

18+

Диана Чайковская

ГОРИЦВЕТ

Питер. Fantasy

Диана Чайковская

Горицвет

«Питер (Айлиб)»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-446

Чайковская Д.

Горицвет / Д. Чайковская — «Питер (Айлиб)», 2026 — (Питер. Fantasy)

ISBN 978-5-907950-54-2

Мир рушится между старой верой и новой. Между богами, которые умирают, и теми, кто только приходит. Между любовью, войной и страшной ценой выбора. Ведьма Горяна сбежала от своей наставницы – древней Айнэ-пряжи, ткавшей судьбы и чудовищ из одной и той же нити. По дороге она встречает священника Андруша, решившего нести свет Божий туда, где правят языческие боги. Их пути переплетаются – как добро и зло, как вера и сомнение. Молодой княжич Воислав отправляется на войну, чтобы доказать отцу свою силу, но на поле брани он встречает не только врагов, но и ведьму, которая перевернёт его жизнь. А дома его жена молится за него и постепенно понимает, что спасти придётся не мужа, а её саму. Когда мир рушится под натиском богов и людей, каждый из них должен ответить, что важнее: долг или любовь, смирение или свобода, победа или душа?

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-446

ISBN 978-5-907950-54-2

© Чайковская Д., 2026
© Питер (Айлиб), 2026

Содержание

Пролог	6
Кровь на колосьях	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Диана Чайковская
Горицвет

© ООО Издательство «Питер», 2026

Пролог

Из Враньего Яра сочилась мгла. Стелились тени вдоль леса, напитывая травы невиданной доселе силой – лихой, горькой, родившейся из слёз и проклятий. Только людских ли?

«Оберни-ись», – тянулся ниточкой шепоток.

«Оберни-ись», – вторил ему другой голос.

«Куда же ты уходишь?» – отзывался третий.

«Думаешь, будет тебе дом полна чаща да скрыни с добром?» – А этот, насмешливый, звонкий, соловьиный, Горяна узнала сразу.

И побежала.

Бояться ей было нечего – ворожба не могла выйти за пределы Яра. Осталась там, привязанная к родной земле, к корням, что вились вдоль околицы, к камням, под которыми прятались золотистые цепочки резов. Хорошо их заклала Горяна – три дня и три ночи не спала и не ела, прикармливая навьей кровью.

Теперь не вырвется злая воля, не ринется следом, не схватит её за косу, чтобы утянуть обратно в омут да так и оставить.

А лес надвигался сзади, становясь всё гуще, мрачнее, даром что большак расстелился совсем рядом. Ветер шевелил путанные кроны – а те и рады. Шелестели листья, покачивались берёзовые ветви, журчала вдали речка. И в каждом движении, шорохе слышалось:

«Верни-ись! Не покидай!»

«Помнишь? Помнишь? Ты же так любила, так плясала!»

Ах, вот оно что! Горяна почувствовала укол: тянулась чужая рука к воспоминаниям, пыталась их перебрать да вытащить наружу самые тёплые, словно Ярилины лучики и купальские костры. Нет, не получится! Давно уж прогулялась Леля-весна, унеслась вслед за ней и добрая половина лета. Разделились дороги. Та, что осталась позади, – высланная пеплом, костями и кровью. Не такой участи желала Горяна. Не той доли искала.

«Не спасё-ёшься! Быть тебе моими руками, серпом Полудницы, когтями мавок!»

Треть лучины оставалось до большака. Уже и чаща, и перелесок замерли, сдавшись, остался только луг, а за ним – мир, такой же опасный. Впрочем, хуже не будет. Мало кто тронет девку из проклятых земель: Яр-то давно всякий добрый человек объезжал.

Болтали о нём всякое: и что не осталось в тех краях ни одного живого человека, и что нечисть там в великих почестях, и что нет места гаже, грязнее, кровавее, и что ни одно иноземное капище там не приживётся (кажется, они звались иначе, но как – Горяна не знала), и что тамошние бабы рожают чудовищ и якшаются с Лешим.

Благодаря этой полуправде Враний Яр и впрямь стал излюбленным местом для ворожбы и всевозможного чёрного волхования. Если к ним и приезжали гости, то только за проклятьем или чудом – заговоры, порчи водились в каждой деревне.

Горяна понимала: непросто ей будет среди людя. Лучше уж быть без роду и племени. Да только выбора боги не оставили.

«Получай же!» – а вот теперь она показала настоящее лицо.

Прохладный ветер вдарил в спину, прошёлся по подолу рубахи, коснулся червонного обережного шитья, заставив насторожиться и прислушаться. Что-то бежало за ней, что-то с рыком приближалось. Сердце застучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет. Не помня себя, Горяна достала из-за пазухи подвязанный мешочек с полынью, сжала.

Вовремя! Нечто пересекло опушку и выпрыгнуло на середину луга. Не упырь, не оборотень, не волчий князь – чудовище. Половина тела соткана из веток и земли, вторая – из шерсти, вместо очей – тёмные провалы, а с клыков стекает речная вода.

Оно мазнуло когтями по траве, зарычало и пошло на Горяню, тесня её в лес. А оттуда – она почувствовала – уже тянулись женские руки, готовые схватить, забрать, вернуть. Будто потерянную вещь.

«Верни-ись, верни-ись, Горянчика!» – призывно напевал ветер. – *«Не будет тебе доброй жизни средь люда. В такую лихую годину из дома уходишь, себя на растерзанье собакам отдаёшь, меня убиваешь!»*

– Сгинь! – топнула ногой Горяня. – Во имя чуров да Хорсовых врат да земли-матушки!

Одним махом она развязала мешочек. Засушенная полынь взвилась дугой, мазнув по морде чудовища. Оно завывало, заскулило и попятилось к лесу. И правильно – пусть забивается во тьму, из которой пришло.

«Ты ещё придёшь ко мне, по своей воле или по чужой!» – Зловещий хохот заплясал в кронах, кольнул шею холодом и исчез.

Сильна, ох и сильна! Такую не одолеть заговором и травой. Горяня нахмурилась, едва ступив на большак. Куда идти-то? Хотела подальше, чтобы разделяли их и земля, и вода, и огонь – да только как? Она ведь найдёт, протопчет тропку зверьми, птицами или людьми. Рано или поздно.

Горяня поплелась по большаку, перебирая крохи мыслей. Хорс наклонил светлую голову вниз, словно надеясь умаслить сырую землю, отогреть и оживить.

«Зря старается», – мрачно хмыкнула Горяня.

Уж что-что, а Враний Яр солнечному богу не спасти. Не он там хозяин.

Через лучину показалась деревенька, полуглухая, с покосившимися избами и землянками. Но живая! Какое же счастье – набрести на людей. Может, и разговор какой завести получится, расспросить, чего да как.

Чуть поодаль от околицы Горяня заметила странную постройку – вроде и похожую немного на баню или хлев, но дышащую незнакомой пугающей силой. Подумалось о Враньем Яре, но чутьё подсказало: нет, другая у этой силы природа. О том же говорили и два скрещённых полена у порога. Сколько раз она пугала Горяню этим знаком! Как шипела, кричала, мол, увидишь – не приближайся, проклани да обойди.

На губах расцвела хитрая улыбка. Путь нашёлся сам собой, и на нём не было места ни чудовищам, ни путам, что тянулись из родных земель и грязью липли к подолу.

Тяжело оставаться человеком среди дикарей, ещё тяжелее – укреплять дух и нести им веру, принимать каждого как брата, несмотря на ожерелья из трав и перьев, резы и обережную вышивку. Тёмный народ, что уж тут поделать.

Андруш повторял эти мысли, чтобы не забыться, смирял гордыню. Да, он умел читать и писать, на его родине лилась рекой пресветлая вера, наполнились знания, но не ему наслаждаться этими дарами. По крайней мере, не сейчас – Отец отцов призывал Андруша отправиться в загнивающее княжество и осветить путь тем, кто придёт после.

Пегий конь нёсся через степь к Житнему Граду – медовому, богатому. Жаль, эта сокровищница поросла поганой верой, подобно той, что таилась в пёстрых языческих храмах ушедших времён. Какое роскошество – и какая бесславная гибель! Андруш надеялся, что этих-то людей ещё можно спасти. Бог милостив, он поймёт, прижмёт к сердцу и очистит. Если понадобится – огнём.

В голове вертелся разговор с первосвященником. Кусочки снова сложились в единое целое – и он начал вспоминать:

– Правда ли, отче, что меня высылают за грехи? – возмущённый тон, искусанные губы, взлохмаченная русая копна. Да, он не отличался послушанием, из-за чего и проводил вечера у креста. Но чтобы прелюбодеяние! – Я никогда... даже не приближался, и в помыслах не было ничего подобного!

– Андруш, – крупная рука легла на плечо, перстни блеснули в свечных огоньках, заплясали рубины и смарагды в позолоте, – тебя никто не винит.

– Но отсылают, – он склонил голову.

Андруш и сам не мог объяснить, как так вышло. Вот он возвращается в келью, вот молится перед сном – а дальше молочный туман. Утро застало его на женской половине – и это перед принятием сана!

– Поезжай, мальчик мой, – покровительственно сказал первосвященник. – Пусть путь твой будет светел, а сердце милостиво. Поезжай!

«...от греха подальше», – читалось в глазах.

Уже на постоялом дворе мелькнула догадка: всё не просто так. Клубок церковных интриг опутал его дурной славой – за то, что был не в меру искренен в вере, рвался вперёд, задавал неудобные вопросы, косился на дорогие камни, шелка и восточных купцов. Теперь-то Андруш понял всё.

– Отче, ты ведь сам говорил, что их души полнятся грязью и что им нельзя ступать в дом Господень без покаяния!

В храме повисла тишина. Замерли восточноимперские послы, недобро сверкнули глаза первосвященника, звякнул кривой нож на чужом поясе. Полилась песком жуткая, неясная речь. Чутьё подсказывало Андрушу: не было в ней ничего благочестивого.

И это его, защитника веры, окрестили блаженным и попросили «дорогих гостей» не смотреть в его сторону! После того пира церковь перестала быть ему родным домом, будто осквернил кто, сплывав на кресте лихой танец. А первосвященник смеялся и просил служек подливать побольше вина. И кому! Им, имперцам, что не гнушались торговать людьми, держали целые дома невольниц, принимали господних детей за собак! Ух, Андруш бы им всё высказал! Все слова о милосердии излил бы, наказал бы покаяться и вовремя спастись от геенны огненной!

За великодушие и веру он и поплатился изгнанием. Церковь не отворачивалась от него, но наблюдала, проверяя – выживет или потонет, как многие перед ним.

Немало слухов доходило до Андруша – и о проклятых землях, и о князе, что женился на медведице, а та родила ему сыновей-оборотней. Злые языки болтали, будто те ночами превращались в странных зверей и требовали кровавых жертв – а люди и рады стараться!

В самых ужасных снах Андруш не мог представить подобного. Он верил, что у князя и княгини есть сердца. Так же как человеческие лица, души и Божья искра. А значит, они хотя бы выслушают, а дальше – как рассудят высшие силы. Главное – начать с малого, с тонкой свечки, а дальше – как вспыхнет, как разгорится!

По пути попадались почти безлюдные, заброшенные постройки с деревянными крестами – и богатые капища с резными кумирами, камнями, что светились золотом и бесовской волшебной силой. Уши почти улавливали голос, идущий из недр земли, полный отчаяния и ужаса. Стонало княжество, кричало: «Спаси нас, вызволи из оков тёмной веры, освети путь и проводи к Богу».

В самом деле – не отсиживаться же в храмовых чертогах, пока иные погибают от демонических чар! Да-а, правильно поступил первосвященник. Может, всё-таки сразу разглядел в Андруше страстное сердце и острый ум? Может, давно присматривался и собирался поручить это непростое дело первому из последних?

Поправив отросшие пряди, Андруш натянул поводья и остановил коня, надеясь отыскать ночлег под Житним Градом. В деревне как раз стояла захудалая церквушка – можно справиться

службу и обратиться к людям со всей искренностью. Уж что-что, а это он умеет. А там, глядишь, вспыхнет искра – и понесут они пресветлую веру в свои дома.

Да, пора бы уже нести Слово дикарям. Даже если на тебя глядят как на нечистого духа.

Глядел Воислав, как гремела гридница¹. Шелестели подолы, звенели камни, лился хмельной мёд, обмачивая бороды. Славили отца – князя Яро Смолеродного по прозвищу Соколиное Око – и старшего брата, Лихобора. Радовались все, от матери – княгини Милевы – до верной отцово́й дружины. Все, кроме Воислава.

Лихобор сидел от отца по правую руку, в почёте и славе. Ещё бы – умаслил его, преподнёс Приморье, что продержалось в осаде целое лето, но к зиме пало. Сытно и славно ему жилось нынче, и оттого по жилам Воислава растекалась желчь.

Вспоминал он, как распахнулись городские ворота и въехал Лихобор в Житный Град. Как потрясал он в воздухе отсечённой головой приморского всадника. Возрадовалась столица! Кричали дети, смеялись девки, с уважением глядели мужики, провожая конницу по улицам. Велико было отцово счастье! Закатил он пир и наказал доставать лучшее варево из бочонков, чтобы пили три дня и три ночи, не зная горестей.

Теперь Лихобор, довольно шурясь, рассказывал, как лез на стену и рубил вражьи головы одну за другой.

– А они, собаки, бежали со всех сторон, а я их – р-раз! – Он поправил тёмную косицу и отхлебнул мёда. – Веришь ли – никого наверху не осталось, всех изрубил!

Чем больше Воислав смотрел, как пируют гриди, как полнятся хохотом светлицы, тем горше становилось на сердце. Он уже знал: завтра мать спросит, мол, чего же ты, сынок, сидишь в тереме, пока твой брат кровью платит за новые земли. Завтра Лихобор так возгордится, что перестанет принимать его как равного и потребует от отца две трети земель в наследство, а то и больше.

– Эх, жалко, у этих приморских нет невольниц. – Лихобор хищно облизнулся. – Ну да ничего, следующим разом пойдём на степняков, а у них этого добра навалом!

– Неужто ты тоскуешь по невольничьим торгам? – Отец захохотал так, что стены гридницы зазвенели. – Тогда не в степь надо, а сразу в Великую империю. Вот где золото, шелка и девки!

Лихобор скис. Все знали: не по зубам княжествам пустынные земли. Там не пройдут кони, да и имперцы не брезгают ворожкой. Каждый тамошний воин помножится на десятых – и борись ты с ними хоть до рассвета, а всё равно не победишь.

– В империю не могу, – нехотя признался он. Пальцы прошли по золочёному кубку, постучали и подхватили. До дна собрался пить! – Но если... Нет, *когда* побью степняков – будут у нас невольничьи торги! Девки привезу, тканей каких, ну и молодцев дюжих.

– Коли так, то будешь наследником, – улыбнулся отец.

Эти слова были для Воислава что жгучий удар кнутом. Торги людьми, пленники, кровь – сколько ужаса, сколько чужой боли! А Лихобору – потеха. Смеётся он, не зная, каково это – ехать в клетке, как скотина. Оттого Воислав не жаловал походы. Княжество и так цветёт, зачем брать ещё? Да только отцу подавай новые земли да skarбы. А что будет, когда они оба станут во главе? Застонут от крови колосья, обгаются ею дома.

¹ Помещение при княжеском дворе для пребывания гриди (дружины) или для приёма гостей.

Воислав перебирал мрачные думы, не зная, как смягчить отца и брата. Опьянённые победами и хмелем, они вряд ли отступятся. Скажут: трусишь ты, боишься собственную голову сложить. Да если бы дело было только в его голове!

– Что это ты, княжич, невесел, а? – хмыкнул Тихомир, верный княжеский воевода, в чьих кудрях давно уже мелькала проседь. – Сгорбился вороном, очами стреляешься, будто задумал нехоршее.

– Как бы не случилось чего с нашей землёй, – буркнул Воислав. – Много крови нынче льётся, слишком много.

– Лихобору она – что хмель, – хохотнул он и тут же прищурился, хитро так, будто сам хотел предложить чего-то. – Но ведь всегда можно обойтись малым, а?

– Прямее, – Воислав зыркнул на воеводу. Он не умел читать по губам и понимать с полуслова.

– О степях наше Соколиное Око давно мечтает, желает пройти огнём и мечом, а после дань наложить. Претят они ему больно, – зашептал воевода. – Что ему то Приморье? Пойди да принеси ему ханство на блюде, а в довесок – и голову хана! Ты, я знаю, не прольёшь много крови, надумаешь хитрость какую с волками своими или ещё чего – и будешь равен с братом.

Воислав застыл. Его разрывало между ужасом и завистью. С одной стороны, слава Лихобора не давала покоя, как и доля княжества, а с другой – ему придётся убивать и калечить, и не столько по необходимости, сколько так, честолюбия ради, чтобы отец потом улыбнулся в лицо. Этого ли он хочет? А что станется, если волки-братья не поддержат? Придётся самому...

– Впрочем, я так, к слову, – махнул рукой воевода. – Пей, веселись, день нынче хороший, *лихоборский!*

«А ты представь, что будет, когда такая буйная голова займёт отцово место?» – вкрадчивый голосок пробрался в самое сердце и кольнул. Славный вышел удар – Воислав аж скривился. Невольничьи рынки! И завоевания! Стоны, враги со всех сторон, обременённые данью земли, хохочущие над чужими слезами гриди...

Нет, не бывать тому! Силён Лихобор, да только нет у него волчьей дружины, Велесового слова и острых когтей. Любит он пить кровь из вражьих кубков, да не знает, каково внюхиваться в запахи трав и рыскать по лесам-полям, учась у навей слушать больше чем надобно.

Не дал князь младшему много гридей в услужение, зато каждый из них – что Велесов внук, что волхв с мечом наперевес. Они-то и отправятся в поход, а после пировать уже будут в честь Воислава и его людоволков.

И меньше, меньше крови впитает смольная мать сыра земля – вот что самое главное.

Кровь на колосьях

О долгих проповедях пришлось позабыть. Голодный и уставший люд не желал слушать иноземных речей. Чумазные дети дразнили Андруша, хватали за сапоги, кривлялись, словно бесёныши. Он лишь тяжело вздыхал и вяло вскидывал руку, чтобы благословить их. Стоило очертить пальцами линию, как мальчишки разбегались.

Вдобавок Андруша настигла проклятая лихорадка. Пришлось задержаться. Заодно и припомнил их язык, дикий, варварский, что ни слово – то ругань. Не зря и знать-то его не желал, пока настоятель не объяснил: мол, надо так. Горько поползли дни. Он осматривался, косился на охапки трав, вслушивался в заговоры и скрипел зубами, шепча молитву. К хозяевам приходилось обращаться ласково, смиренно, но те не уступали.

– Что ж ты за гость такой! – всплеснула руками хозяйка. – Как же я полынь сыму, если она от зверья защищает!

Андруш застонал и прикрыл глаза. Силы утекали.

– Да ты лежи, лежи, – она тут же смягчилась. – Огневиха² тебя куснула, вот и слетает всякое с языка.

Невыносимо! Он перевернулся на другой бок – к стене, чтобы не видеть, как люди, впустившие его, перезакладывают душу дэмонам в который раз. Больше всего на свете Андрушу хотелось спасти их, отвадить зло и показать истинные обличья тех, кому поклоняются в Смоленском княжестве. Но как, если даже самые добрые люди не желают слышать? Пробиваться с щитом и мечом? Да кто ж тогда уверует!

Все надежды Андруша вертелись вокруг Житнего Града. Там ведь народ что-то слышал о настоящем Боге, не зря же святые отцы пытались селиться в столице. Возможно, ему удастся достичь большего – а там и пойдёт слава по земле, даст добро князь. Засверкают луковые купола на солнце, зазвенят колокола!..

Но сперва – справиться бы со слабеющим телом. Благо дух Андруша закалён: ни один заговор не пробьётся к сердцу, ни одно бесовское отродье не подберётся. Он чувствовал Христову любовь и веру, что придавала сил бороться. Хоть с лихорадкой, Иродовой дочкой, хоть с невежеством этих обвешанных травами грешников, чтоб их!

Андруш одёрнул себя с шипением. Нет, нельзя так думать! Каждый человек, даже самый погрязший в пороках, имеет право на искупление. Ни от кого не отворачивался Христос, так и он не должен воротить носа и уж тем более обзывать кого-то, особенно тех, кто его приютил.

«Найдётся ли плеть в тамошней церквушке?» – призадумался Андруш.

Он заслужил десять ударов, если не больше. С лихорадкой много не получится, а жаль.

С трудом поднявшись, Андруш побрёл через сени во двор.

– Куда ты ещё? – буркнула хозяйка позади. – Тебе ведь лежать надобно!

Увы, она не понимала! Дом Господень исцелял куда сильнее – истинной светлой силой, что текла в тело через удары плети, через шрамы, боль и страдания. Она укрепляла дух и прогоняла любую хворь – или забирала с собой в рай.

– Андруш, Андруш, скоророший сын! – кричали дети, бегая перед ним. – А правду говорят, что у тебя вместо головы репа, а?

² Лихорадка.

Они засмеялись. Вот уж и впрямь – бесёныши. Андруш чувствовал: не люди на него смотрят, а озорные духи. Дразнят, сыплют злыми словами, пытаются пошатнуть веру хоть на миг. Он лишь сжал губы, чтобы не выругаться лишний раз.

Церквушка стояла на отшибе. Косая, грубо сбитая, с провалами и усохшими брёвнами, она напоминала больную старуху. В ней не было окон – лишь дыра в три угла неподалёку от входа. В иные времена Андруш сказал бы, что это скорее хлев для прихрамовой скотины, – теперь же радовался, что сыскалось хотя бы такое. Слабое, жуткое – а ведь есть! Значит, зреет истинная вера, подобно зерну, что упало в хорошую почву.

Впрочем, по словам хозяйки, церквушку наказал выстроить какой-то купец: захотел, чтобы его похоронили «по-иноземному».

– Мужики и взяли брёвен, натаскали, заложили как надо, – говорила она. – Даже этот... как его... крест, во! Крест сделали из двух поленьев.

Сердцем Андруш чувствовал, как от постройки идёт свет и потихоньку согревает деревеньку, уничтожает тварей, гонит бесов, что пытаются залезть в души. Порог он переступил с облегчённым сердцем. Внутри было темно и сыро – ни свечки, ни лучины, ни светца для последней. Сколоченный грубо крест стоял посередине – единственный знак, отличавший церквушку от хлева. Плети не нашлось, поэтому Андруш просто рухнул на колени и принялся молиться.

В душе поднялась тоска по просторным храмам, по вымошенному камнями полу, по позолоте и белоснежным исполинам, что держали ступени. Как тепло, как радостно было разглядывать цветные стёкла, преклоняться перед ликами и вслушиваться в тихое пение. Телом Андруш оставался в деревеньке, но душа неслась далеко за её пределы – к святым отцам, свиткам с писаниями и спокойной пастве.

– Чего стоит моя вера, если она не выдержит этого испытания? – шептал он. – Хорошо верить, когда ты сидишь в короне, одетый да сытый, но здесь... Боже, даже воздух здесь отравлен злыми духами да делами ведьмовскими! Прошу: помилуй моё сердце, позволь с честью пройти этот путь. Доверяюсь тебе!

За горькой молитвой Андруш не заметил, как порог тихонько скрипнул. Овернуться он не успел – лихорадка сдавила плечи, наслала туман и свалила его окончательно. В последний миг его голова легла на чьи-то руки, пропахшие мхом и стылой землёй. Они – единственное, что удалось запомнить.

Запах горьких трав ударил в нос так, что он распахнул глаза и сел в постели, сдавив ладонями крестик. Цел! Ни жара, ни помутнения в голове. Значит, не тронули твари – прошли мимо и забрали с собой лихорадку.

У постели сидела девица, бледная, с чёрными косами, в которых сияли червонные ягоды. Хозяйкина дочь ли? Да ведь непохожа! Андруш бросил взгляд на ее руки: ни волдырей, ни мозолей, зато ногти – смольные. Неужто к нему приволокли ведунью?! Ай, сам ведь просил испытания – вот Бог и послал! Наверное, придётся долго её упрашивать, чтобы оставила бесовское ремесло.

Как только Андруш зашевелился, она открыла серые, как волчья шкура, глаза, смерила его взглядом и заговорила:

– Чего смотришь, как на зверя?

– Ведьмовствуешь? – хмыкнул он.

– Меня Горяной кличут, – назвалась девка. – Ох и сильная в тебе сидела огневиха! Целую ночь гнала-гнала, а она упёрлась, вцеплялась до последнего. – Она качнула головой, затряслись косицы, заалели ягоды пуще прежнего. – Но сдюжила!

От отчаяния Андруш принялся кусать губы. Над ним ворожили! И он позволил это! Малодушно ушёл бродить во тьму, пока с телом творили невесть что и невесть как.

Он прижал крест ко лбу и начал читать молитву – страстную, спасительную, ласковую. Из всех сил хотелось верить, что Бог не отвернулся, не покинул. Это ведь проступок, не хула, не преступление. Он ведь велик и милостив, прощает воров и убийц – значит, и Андруша сможет простить.

– И впрямь скомороший сын, – девка усмехнулась. – Огневиха бы сама не ушла. Совсем слёг бы.

Только не ругаться, не кричать, что её разум погряз во тьме. Не поверит. По спине пробежал холодок. Страшно представить, что творится с заблудшей душой! А ведь девка-то – жуть! В очах плещется мёд, ягоды – как кровь Христова, косы – черны, словно Страстная ночь. Такая могла бы утащить в чашу и принести в жертву. Кольнёт ножом – и ухмыльнётся.

– А ты меня, значит, спасла. – Андруш качнул головой, умоляя себя не спорить, не стоять на своём. При-ни-мать. – Выходит, я твой должник?

– Возьми меня с собой, – Горяна облизнула губу. – Я знаю, ты едешь в столицу, да к самому князю.

Сердце бешено застучало. Ведьму – и в княжий терем?! Нет уж. Впрочем, от этой он иной просьбы не ожидал: вон как зыркает. Того и гляди – впрямь обернётся зверушкой или рогатой скотиной.

– Не могу, – в его голосе зазвенела сталь. Уж тут Андруш не уступит. – Хочешь – проси каменьев каких или коня добротного. А в столицу – не могу.

Он хотел было отвернуться, да не успел – Горяна схватила его за руку, цепко, почти отчаянно, продвинулась ближе. И с губ её полился шёпот:

– Друзе, пойми, я и себя спасаю, и тебя. Тебе ведь не выжить в этих землях. Ты даже не представляешь, сколько навей родила матушка-земля, сколько упырей бродит по округе, голодных, жаждущих, – она хищно облизнулась. – А мне, может, хочется светлой веры, пусть и иноземной. Что, если я желаю коснуться вашего божка, а?

– Он Бог, – поправил её Андруш.

И замолчал, смятённый внезапным натиском. Не верилось ему, что девка и впрямь захотела стать ему сестрой по вере. Влечёт её столица да богатый терем, как любую другую. Но что, если отказом Андруш отворотит от себя Господа? Что, если Горяна и впрямь ищет убежища, да не знает, куда податься? Нельзя бежать от заблудшей души.

А если обманет – Бог ей судья.

– Быть по-твоему, – смиренно пробормотал он и вздохнул. – Род-то отпустит?

– Нет у меня рода, – резко ответила Горяна. – Померли давно уж.

Значит, сирота. Тем более нельзя отворачиваться. Оставишь – и тем самым бросишь в пламенную геенну. Нет уж, уважение людское надо не только проповедями заслуживать. Ради этого стоит и поякшаться с ведьмой. В конце концов – Андруш был уверен, – он повернёт к солнцу, к Христу и Святому Духу ещё одну душу.

Лишь бы самому не потеряться вдали от Господнего дома.

Маки на рушник ложились криво, напоминая погрызенное, растоптанное чужими сапогами солнце. Княжна Сольвейд горько усмехнулась и продолжила терзать полотно. Ничего другого ей не оставалось. Что ещё взять с седьмой дочери конунга?

Решив выразить почтение Смолеродному князю, он отправил её вместе со скарбами. В тереме Сольвейд поставили перед выбором – первая, но вряд ли последняя жена у старшего княжича, Лихобора, или первая и наверняка единственная, но у младшего, Воислава. Она выбрала последнего и из природной гордости, и из-за их похожести.

Оба были – как палка меж волчьих зубов.

– Не смотри зверем, княжна, – наставляла её чернавка. – Лучше прихорошись да надень монисто, что оставил старшой.

Сольвейд хмыкнула и отвернулась. Две весны назад отгуляли свадьбу, а Лихобор никак не уgomонится. Он засыпал её камнями больше, чем всех других девок, за которыми нет-нет да вился. Обиделся из-за отказа, хотел утолить пыл с гордостью, да только не на ту наткнулся.

– Хочешь – тебе подарю, – на её губах проступила улыбка. – А ведь и впрямь... Возьми, а?

– Что ты, княжна? – возмутилась чернавка. – Куда мне!

– Бери, говорю! – Сольвейд взяла монисто, провела пальцами по смарагдам и положила в сморщенные ладони. – Наказываю!

– Ну княжна-а! – растерянно воскликнула она и спрятала монисто за пазуху. Боялась, и правильно: наверняка подумают, что украла, и будут дознаваться. А так – и выменять, и продать кому можно. – Благодарствую.

– А взамен передай Лихобору, что в следующий раз я ему сама монисто на шею надену. – Она стрельнула глазами и засмеялась. Зазвенели льдинки в голосе Сольвейд, вспомнились милый сердцу север и тамошние воины, что меняли по несколько девок, пока мрак рассеивался кострами. О, какие то были ночи!

– Да как можно, княжна? – возмутилась чернавка. – Он ведь от сердца дарит, не со зла. Будь милостивее.

Если бы! Видать, плохо она знала Лихобора – а может, пыталась... Как у них там принято? Побывать свахой? Свести двоих, пока Воислав не видит.

– Вот пусть явится ко мне разодетый да размалёванный, как девка! – Сольвейд отложила шитьё. Эта насмешка придала ей сил и развеселила. – Тогда я подумаю, отвечать ему милостью или нет.

А в голове эхом отдался твёрдый, грубый голос: «Всё равно ты будешь моей!» – и не было в нём ни любви, ни привязанности. В этом крике Лихобор показал Сольвейд всё, что прятал в глубинах сердца.

Законный муж же относился к ней ровно. Время от времени дарил камушек какой или ткани, не тревожил в печальные дни, а иной раз, казалось, забывал. Да, в сравнении с родным северным краем княжество – тихая гавань. К слову об этом...

– Зря ты так с ним, – цокнула языком чернавка. – Знаешь, что он сделал, когда встал у буйного моря, а? – хмыкнула, смолкла на миг и, поймав красноречивый взгляд Сольвейд, продолжила: – Имя твоё на песке вывел, во! Все витязи смеялись да стыдили, а он стоял камнем да глядел то на песок, то на волны.

– Славно рассказываешь, – хохотнула Сольвейд.

Этот слух дошёл до неё чуть раньше, когда сенные девки шептались и пересказывали друг другу похождения Лихобора. Вот уж кто всё бы отдал, даже волю, лишь бы быть поближе к княжичу. Но для Сольвейд он был что злое пламя. Не горит ровно, не греет ласково, а вихрится, сжигает до пепла, пожирая каждую косточку. Вот из чего был соткан их славный витязь! Не такого желала она, оттого и держала под верхней рубахой нож с волчьей рукоятью из серебра – как память о родной земле и защиту.

В глазах Лихобора Сольвейд давно прочла, что хочет он прокрасться, схватить, а дальше – насмеяться над ней целую ночь, пока не спалит сердце и дух. Только не бывать тому, не получит он ничего, кроме шрама или гибели.

Застучали на лестнице сапоги. Кто-то шёл к двери в её светлицу. Она сжала рукава рубахи, готовая к чему угодно – от поклона до атаки. И каково же было облегчение, когда на пороге показался Воислав! Задумчивый, с неведомой пеленой перед глазами – но не тот, кого Сольвейд поджидала, подобно хищнице, и опасалась одновременно.

Воислав устало рухнул на лавку, упёрся затылком в стену и выдохнул:

– Давно я к тебе не приходил, да? Уже и купальские костры отгорели...

– Теперь пришёл, – пожала плечами она.

Как вести себя с мужем, Сольвейд так и не решила. Были они и близки, и далеки друг от друга, точно солнце и луна. Жестом отослав чернавку прочь, она оглядела Воислава: по-прежнему статен, ладен, разве что хмур и задумчив.

– Князь хочет степь. – Воислав закрыл глаза и сглотнул. Видать, давило на него что-то, лишало покоя. – Он прав, ведь эти земли и так почти наши, лишь руку протяни да забери, но моя дружина не желает на них смотреть.

– Почему? – тихо спросила Сольвейд. Сама она мало знала о военных делах княжества – только что сыны Перуна лихо режут друг друга, а после хохочут и сплетают хмельные реки с пламенем и запахом гари.

– Наслушались, мол, у степняков полно людей и своих ворожеек, – он горько усмехнулся. – А те будто заговаривают поля каждое лето, чтобы сама земля не давалась в руки, а колосья путали ноги и мешали ступать дальше. Только я слышал иное, – Воислав стрельнул глазами и прищурился, – что степняки сами собираются дать бой по весне, и не мне, а Лихобору.

– Думаешь напасть, чтобы защититься? – Сольвейд попыталась уловить ниточку его мыслей.

– Верно, – его голос стал совсем тихим. – Хорошо ты сказала: напасть, чтобы защититься. Так будет правильнее.

Она нахмурилась. Ой, не свою шкуру мерил княжич – за Лихобором стремился. А ведь Воислав не тот, кто в битве радости ищет, предпочтёт обойтись каплями крови там, где старший прольёт чашу.

– Не себя ли ты ищешь в том походе? – Сольвейд старалась говорить мягко, но вкрадчиво.

– Вот и братья-волки мои похожее говорят. – Он коснулся головой колен. Русые пряди разметались во все стороны, словно перья воробьиной стаи.

А ведь если Воислав со своими волками налетит, наберёт побольше сокровищ и исчезнет – неплохой может получиться подвиг в глазах отца. Другое дело – сами земли. Степь так просто не покоришь. Кочевники привыкли брать своё топорами, стрелами и проклятиями. На востоке княжества их страшились больше, чем чудовищ из Враньего Яра и чёрных волхвов.

– Он невольничьих торгов жаждет, понимаешь? – Воислав встал и сжал плечи Сольвейд, словно пытаясь донести до неё страшную мысль. – Сама знаешь: горяч мой братец, и в горячности своей не ведает, что творит. Представляешь, что станет, когда он княжеское место займёт?

– Беда будет, – холодно отозвалась Сольвейд. – Займётся пламя по всей земле и не утихнет, пока его душа не уляжется в покое и тишине.

На месте князя или конунга-отца она бы выбрала Воислава. И как жена, и как правительница, и как витязь. Силы, может, в нём поменьше, зато ума – побольше. Нравилось ей и то, что для Воислава неволя – не потеха и хохот, а жуткое дело, гаже убийства. Насмешка над богами и человеком. Редко встретишь витязя, который думает так же – остальные посмеются: мол, что ты смыслишь, девка?

Сольвейд поправила рубиновое очелье. Звякнули тяжёлые заушницы³ с позолоченными птичками, зашелестели шёлковые рукава. Затем она вскинула руки и притянула княжича к себе, чтобы поцеловать, невесомо, бережно, будто спрашивая разрешения. А Воислав будто того и ждал. Затуманились его глаза ещё сильнее, ушли тревоги – осталась только связь, сплетённая богами давным-давно.

Сольвейд тоже не переживала – не первая ночь и не последняя. У неё были стать, тронутые румянцем щёки, синие глаза и густые пшеничные пряди. Но главное – она любила больше слушать, чем говорить. Умела присматриваться, чутя, ловить переливы духа и не терять головы.

Наверное, за это в тереме её ценили. Иначе бы давно опоили отравой, как предыдущих княжон.

Золотились колосья, меж ними мелькали багрянец маков, зёрнышки полыни, желтизна полевой рябинки⁴. Пахучие луга раскидывались вширь, радуя Горяну. Она выпросила у хозяйки острый серп и заговорила его от нечисти под красноречивыми взглядами Андруша, «скоморошье сына».

Самое досадное – то, что в его душе теплился огонёк доброты, а вместе с ним и дикое, неуёмное желание всех спасти. А это много хуже, чем быть просто умалишённым. Впрочем, чутьё подсказывало: рядом с ним никакая ведьма, даже самая сильная, не коснётся плеча Горяны так просто.

А ясный Хорс раскатился так, что головы припекало. Пока Андруш торговался за второго коня, она свивала травы в венки, веря, что смесь запахов распугает нечисть. Правда, вскоре выяснилось, что её новый знакомец напрочь не признаёт оберегов.

– Со мной крест Господень, – он горделиво вскинул голову. – Иного мне не надо.

– Во странный, ну, – Горяна закатила очи к небу, словно призывая богов полюбоваться на дурня. – Как знаешь, господине.

Второй венок она отдала хозяйскому дитяти. Андруш поджал губы, но промолчал. Надо же – хватило ума не отпустить очередную колкость и не возмутиться. Горяна закрепила плетение длинной веточкой полыни, восхитилась переливами цветов и надела венок на голову. Жаль, калина совсем засохла – червонные ягоды красиво смотрелись в косах, а их кислота была для мелких пакостников той ещё отравой.

Так и выдвинулись. Наверняка мысли Андруша были мрачны, хотя Горяна решительно не понимала, чем ему помешали боги. Можно ведь спокойно принять, что человек верит во что-то иное, – и не трогать его. Ан нет: он раз за разом возвращался к проповедям, словно пытаясь колом вбить эту свою веру, далёкую и неясную.

³ Височные кольца.

⁴ Народное название пижмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.